

Увидев, что супруг, оказывается, неизвестно когда уже очнулся и даже сам сел, Гу Дао сразу позабыл о еде, поставил чашку и палочки и бросился к нему.

— Ты в порядке? Когда очнулся? Тебе еще где-нибудь нехорошо? Может, мне позвать тебе док... лекаря, чтобы он снова посмотрел?

Гу Дао оглядел супруга с головы до ног и, увидев, что, кроме по-прежнему не слишком хорошего цвета лица, тот на вид уже ничем необычным не отличался, невольно выдохнул с облегчением. Хорошо, что очнулся, хорошо, что очнулся. По крайней мере, ему не придется сразу же, едва явившись сюда, взвалить на себя чужую жизнь.

Он-то успокоился, а вот Цзин Яо уже не мог усидеть спокойно. Потому что взгляд, которым Гу Дао смотрел на него, немного отличался от того, что он представлял. В нем не было расчетливости, какой он ожидал, напротив, он был полон заботы; такое тревожное выражение из-за него самого он уже сколько лет не видел, и от этого даже не знал, как реагировать.

Гу Дао, видя, что Цзин Яо молчит, решил лишь, что тот всё еще злится и не желает обращать на него внимания.

— За то, что случилось прошлой ночью, я сперва должен перед тобой извиниться. Я ударился о порог и потерял память, забыл, как именно обманом привел тебя сюда. Но в том, что было прошлой ночью, я действительно неправ. Если ты всё еще готов остаться здесь, я возьму за тебя ответственность. Если не хочешь, тоже ничего страшного, я могу отвезти тебя обратно и постараюсь по мере сил возместить тебе ущерб.

Чем дальше говорил Гу Дао, тем тише становился его голос, и в конце даже дыхание его стало легче. Он напряженно смотрел на стоящего перед ним супруга, словно смертник, ожидающий судебного приговора.

В ответ молчание, долгое молчание.

А затем вдруг раздалась череда резких звуков: «гур-р-р».

Цзин Яо: ...

Гу Дао:

— ...Ты голоден?

Едва спросив, Гу Дао пожалел об этом. Пробыв без сознания так долго, как тот мог не проголодаться? Поэтому он молча вернулся, взял ту чашку овощной каши с сушеными креветками и принес ее.

— Может, сперва немного поешь? Я только что сварил, еще горячая. Очень вкусная.

Цзин Яо смотрел на протянутую к нему кашу и невольно сглотнул. К слову, такую кашу он видел впервые. Раньше в ту кашу, которую он пил, самое большее добавляли немного бобов или мелко нарезанных соленых овощей. А вот чтобы кто-то клал внутрь столько зелени и шиитаке - такое он видел впервые; на вид это было не похоже на чашку каши, скорее уж на чашку супа.

В глубине души он подсознательно противился такой странной вещи, но каша пахла так ароматно, что он почти лишился способности думать. Разум еще не успел отреагировать, а руки уже шагом раньше потянулись вперед.

Стоило одной ложке попасть в живот, как глаза его тотчас засияли.

Рисовые зерна были разварены до мягкости и нежности, с присущим злакам густым ароматом. Овощи были свежими и мягкими, а шиитаке и вовсе впитали в себя всю суть каши. Стоило их надкусить, сперва раскрывался особый свежий аромат грибов, затем появлялась легкая сладость рисовой каши, и это тепло от кончика языка расходилось прямо до желудка и кишечника.

Цзин Яо ел так, что уже не мог остановиться; даже на стоявшего рядом Гу Дао ему было некогда обращать внимание. Перед глазами у него была только эта чашка каши, от которой исходило тепло, и даже когда чашка опустела до дна, ему всё еще хотелось продолжения.

— Ты потерял память?

Лишь после того как давно голодавшие желудок и кишечник получили утешение, у Цзин Яо появились силы обдумать только что сказанные Гу Дао слова, и он быстро выхватил из них одну важную деталь.

Гу Дао изначально думал, что первая фраза, с которой тот откроет рот, будет вопросом, почему он так с ним поступил, но неожиданно это оказалась потеря памяти?

Хотя в душе он не понимал, но всё же послушно ответил:

— Да.

Цзин Яо пристально смотрел на него и какое-то время не мог прийти в себя. То, что тот только что кормил его лекарством, он еще мог истолковать как намерение оставить его и потом медленно мучить. Но теперь тот то изображает потерю памяти, то извиняется перед ним - что он хочет сделать?

Неужели и правда потерял память?

Но разве потеря памяти могла так сильно изменить характер человека?

Цзин Яо долго думал и так и не смог понять, поэтому просто перестал ломать голову. Сейчас его тело еще не восстановилось; лучше воспользоваться этим и, следуя его игре, остаться здесь залечивать раны. Если этот человек искренне раскаялся и хочет его лечить, то, когда Цзин Яо уйдет, он оставит ему немного серебра, и они будут в расчете. А если тот притворяется, тогда он сам как следует подыграет ему и посмотрит, что же тот в конце концов задумал. Если тот снова посмеет питать к нему какие-то непристойные мысли, в следующий раз он уже ни за что не проявит снисхождения.

— Что ты этим хочешь сказать? Ты хочешь прогнать меня? — всё обдумав, Цзин Яо быстро перестроился и даже нарочно стал обвинять его тем тоном, каким пользовались здешние фуланы. — Посторонние уже знают, что я последовал за тобой, моя чистота давно пропала. Если я теперь уйду, как другие будут смотреть на меня?

Договорив до этого места, он и вовсе сделал вид, будто стыд и негодование стали для него невыносимыми: словно, если Гу Дао сегодня осмелится отправить его прочь, он тут же разобьет голову здесь насмерть, чтобы доказать свою невинность.

Раз уж слова дошли до такого, как Гу Дао мог еще сметь говорить что-то об уходе? Он боялся, что супруг на миг не выдержит и наложит на себя руки.

— Нет, я не хотел тебя прогнать. Если ты готов остаться здесь, я... я тоже буду хорошо к тебе относиться. Правда.

Получив это обещание, супруг наконец перестал плакать и улыбнулся, застенчиво бросив на Гу Дао взгляд.

— Я верю тебе, муж.

От этого взгляда и от того мягкого, слабого «муж» Гу Дао будто обожгло: всё тело дрогнуло, зрачки резко сузились, и он на миг даже не понял, куда девать руки и ноги.

Он двадцать восемь лет прожил одиноким человеком; разве кто-нибудь когда-нибудь называл его так? И к тому же такой красивый супруг. С одним этим словом «муж», даже если бы супруг сейчас попросил у Гу Дао его жизнь, Гу Дао был бы готов отдать.

Он тербил край одежды, покраснел до ушей и осмеливался смотреть лишь на тонкие руки супруга, лежавшие на краю одеяла.

— Кстати, я ведь еще не знаю, как тебя зовут.

Цзин Яо подумал и всё же назвал имя Цзин Яо. Гу Дао про себя повторил его дважды и решил,

что имя это особенно красиво звучит.

— Меня зовут Гу Дао. Можешь звать меня Сяо Гу или Сяо Дао, как тебе удобнее. А я буду звать тебя Сяо Яо, так ближе.

Цзин Яо ничего не сказал, и Гу Дао счел это молчаливым согласием.

— Тогда ты сперва отдохни, а я... я пойду немного поем.

Но едва он повернулся, как его тут же потянули за рукав. Думать не приходилось: это, конечно, был Цзин Яо. Неужели он еще не успел уйти, а тот уже по нему соскучился?□□

Гу Дао, сжимая край одежды, с лицом, полным ожидания, обернулся и увидел, как Цзин Яо слегка приоткрыл тонкие губы и медленно произнес:

— Еще одну чашку.

Гу Дао: ...

Раз супруг хотел есть, что еще мог поделаться Гу Дао? Конечно, послушно налил ему еще одну чашку.

С глазами, полными нежности, он смотрел, как супруг доел, а потом сам взял чашку и палочки, вынес во двор мыть и за всё время не произнес ни единой жалобы; его буквально можно было назвать образцовым хорошим мужем по всем трем статьям.

Увидев это, Цзин Яо тоже слегка расширил глаза.

Когда Гу Дао снова вернулся на кухню, прошло уже полчаса. Сидя на маленькой табуретке в кухне, Гу Дао наконец съел первый за сегодня кусок еды. Неизвестно, оттого ли, что он долго голодал, но Гу Дао казалось, что эта чашка овощной каши с сушеными креветками ароматна до невозможности; он ел так, что едва не захотел проглотить вместе с ней и ложку.

Подумать только, каких горных и морских деликатесов он прежде не пробовал, а теперь ютится в этой маленькой кухне, держит чашку каши и ест так, что на глазах наворачиваются слезы. Небеса и правда несправедливы.

Поев, Гу Дао не забыл отнести одну чашку тетушке Лю; как-никак, та немало ему помогла.

Дом тетушки Лю находился к востоку от дома Гу Дао, между ними было три маленьких дворика, и Гу Дао дошел туда за пару минут. Когда он пришел, тетушка Лю как раз перебирала

овоци во дворе. Увидев Гу Дао, она поспешила повести его во двор.

— Сяо Дао пришел, заходи скорее.

Гу Дао вошел следом за ней и обнаружил, что в углу двора еще прячется какой-то дядька.

— Иди, поздоровайся с дядей Лю.

— Дядя Лю.

Гу Дао окликнул его, и дядя Лю поспешно отложил работу, которой занимался, и откликнулся:

— Сяо Дао пришел.

Гу Дао кивнул и протянул им чашку в руках.

— Дядюшка, тетушка, я сварил немного овощной каши с сушеными креветками и принес вам попробовать.

Дядя Лю и тетя Лю тотчас широко раскрыли глаза; у обоих был такой вид, словно им оказали неожиданную честь.

— Сяо... Сяо Дао, это... с чего ты вдруг решил принести тетушке кашу?

— Конечно, чтобы поблагодарить тетушку за то, что помогла мне позвать лекаря, а потом еще принесла еды и мазь. Я даже не знаю, как мне вас благодарить. Эту чашку каши я сварил сам, мне кажется, вкус вышел довольно хороший, вот и принес чашку, чтобы тетя с дядей попробовали.

Выслушав его, у тетушки Лю вдруг покраснели глаза, и она даже не знала, что ответить.

— Да ты это... это зачем так? Ты сейчас сам ранен, что такого, если тетушка немного тебе поможет?

— Вот именно, Сяо Дао. Ты зовешь нас дядюшкой и тетушкой, если не мы тебе поможем, то кто поможет?

Дядя Лю тоже помнил, что семья Гу оказала их семье милость, поэтому и позволял своей жене время от времени относить Гу Дао немного зерна. Он и не ждал от Гу Дао отплаты, хотел лишь быть чистым перед рано ушедшими родителями семьи Гу и собственной совестью. Но теперь, видя, что Гу Дао помнит их добро и еще думает хоть немного отплатить, дядюшка Лю в душе

всё равно почувствовал большое удовлетворение.

— Забери эту кашу обратно. Ты сейчас ранен, тебе надо есть что-нибудь хорошее, чтобы подкрепиться. Нам с твоей тетушкой от нее никакой пользы.

— Да, Сяо Дао, послушай дядю, скорее забирай обратно.

Гу Дао в душе был тронут, но эту кашу он ни за что не мог унести обратно.

— Дядюшка, тетушка, я понимаю. Я просто хочу, чтобы вы попробовали мое мастерство. Тетушка, если вы так и не возьмете, эта чашка скоро обожжет мне руки.

Услышав это, тетушка Лю уже не стала уговаривать и поспешно приняла чашку из рук Гу Дао. Приглядевшись, она увидела, что каши налито столько, что та вот-вот перельется через край, и на душе у нее стало еще теплее, но вслух она всё равно мягко попеняла ему:

— Ну зачем ты налил так много, ах ты ребенок. Оставшегося риса тебе хватит поесть? Если нет, тетушка потом еще немного тебе принесет.

— Не надо, хватит. Тетушка, скорее попробуйте мое мастерство, посмотрите, как вышло.

— Хорошо.

Раз уж она приняла, тетя Лю больше не стала жеманиться и с кашей в руках пошла на кухню. В душе она думала, что это ведь первый раз, когда Гу Дао принес ей еду; даже если будет невкусно, она всё равно непременно должна похвалить его парой слов, подбодрить ребенка.

Когда она снова вышла, каша в чашке уже была разделена на две порции. Тетя Лю и дядя Лю уселись на маленькие табуретки во дворе и прямо на глазах у Гу Дао принялись пробовать.

Кашу в крестьянских семьях чаще всего варили с бататом или дикими овощами, жиденько, целым котлом, чтобы домашние ели ее вприкуску с лепешками из зерновой муки. Тетушка Лю впервые ела кашу, в которую добавили овощи, шиитаке и сушеные креветки, но она не слишком об этом задумывалась: решила только, что Гу Дао не умеет варить кашу, вот и высыпал туда всё, что она ему дала.

Она и радовалась, и одновременно про себя ворчала, что это уж слишком расточительно; вот поест, и потом надо будет как следует научить Гу Дао готовить. Но стоило ей съесть одну ложку, как она сразу замолчала. Почему вкус этой каши совсем не такой, как она себе представляла? Да это же слишком вкусно.

Солоноватая, ароматная, она была просто вкуснее даже яичного супа.

Тетушка Лю ела так, что уже не обращала внимания на жар, ложка за ложкой, и очень быстро вся чашка была съедена. Опустив чашку, тетушка Лю пожалела: знай она раньше, что так вкусно, надо было оставить немного детям.

Она повернула голову, желая посмотреть, доел ли уже ее муж, а в итоге оказалось, что тот съел еще быстрее и чище, чем она; дно чашки выглядело так, будто его вымыли, и от этого ее старое лицо слегка смутилось.

— Гу Дао, как ты эту кашу варил? Почему она такая вкусная?

— Вот именно, я прожил уже несколько десятков лет, а ни разу не видел, чтобы твоя тетушка варила такую вкусную кашу, — сказал дядя Лю и тут же получил от тетушки Лю взгляд острый, как нож.

Гу Дао рассмеялся:

— На самом деле всё очень просто, просто тетушка раньше не думала, что можно так сделать. Если тетушка хочет научиться, я вас научу.

— Вот это прекрасно! — тетушка Лю, хлопнув себя по бедру, громко рассмеялась. — Недаром ты сын своего отца. В те годы твой отец именно благодаря своему замечательному поварскому мастерству открыл закусочную в уездном городе, а теперь, выходит, ты тоже унаследовал его дело.

Отец прежнего владельца тела, хорошее поварское мастерство... Неужели отец прежнего владельца тоже был поваром?

Пока Гу Дао думал об этом, тетушка Лю вдруг хлопнула себя по лбу.

— Ты только посмотри, как я могла забыть, что ты потерял память.

С этими словами она подтянула Гу Дао поближе к себе.

— Твой отец был у нас знаменитым большим поваром, известным во всех окрестных деревнях на десять ли вокруг. В те времена желающих позвать твоего отца готовить на застолье хватало бы, чтобы выстроить очередь от начала деревни до самого конца.

Дядя Лю рядом согласно кивал и тоже выглядел так, будто сам был причастен к этой славе.

— Твой отец тоже был человеком способным, потом отправился в уездный город и открыл там закусочную. Кто в нашей деревне мог бы такое - поехать в уездный город бизнес открывать? Если бы не...

— Кхе-кхе!

Тетушка Лю говорила всё оживленнее, Гу Дао тоже слушал с увлечением, но дядя Лю вдруг тяжело закашлялся и оборвал ее следующие слова. Тетушка Лю ахнула и внезапно что-то осознала, поспешно закрыв рот.

— Ты только посмотри на мой язык, вечно какой горшок не кипит, тот и поднимаю*.

(ПП: образно - болтаю, что на ум придет)

Сказав это, она взяла Гу Дао за руку.

— Раз ты смог унаследовать поварское мастерство своего отца, тетушка теперь спокойна. С таким ремеслом тебе в будущем не придется тревожиться. Послушай тетушку: будем хорошо трудиться и в будущем жить честно и спокойно.

— Твоя тетушка права. С таким мастерством жизнь у тебя потом точно не будет плохой, может, еще выйдет так, что нам с тетушкой придется на тебя полагаться.

Слова дядюшки Лю так развеселили тетушку Лю, что она без конца смеялась.

— А ведь кто знает, может, и правда.

Гу Дао тоже дважды рассмеялся вместе с ними, но в душе у него стало немного тяжело. Оказывается, отец прежнего владельца тела когда-то открывал закусочную в уездном городе - такого Гу Дао не ожидал. Впрочем, это могло объяснить, почему прежний владелец тела был беден до последней монеты, а приправ и пряностей на кухне осталось немало.□□

Сейчас ведь были не позднейшие времена, пряности всё еще стоили дорого, и, скорее всего, всё это осталось от отца прежнего владельца тела. А что потом случилось с той закусочной отца прежнего владельца тела, Гу Дао предполагал: весьма вероятно, что ее промотал прежний владелец. Поэтому тетушка Лю и не хотела говорить об этом при нем, боясь, что ему будет неловко.

Разобравшись с этим, Гу Дао больше не собирался расспрашивать. Чем ломать голову над прошлым, лучше как следует прожить нынешние дни. Раз отец прежнего владельца тела смог, готовя застолья, открыть закусочную в уездном городе, чем он сам хуже?

— Тогда приму добрые слова дядюшки и тетушки. Если потом какой-нибудь семье понадобится устроить застолье, дядюшка и тетушка не забудьте порекомендовать меня. Я точно вас не разочарую.

<http://bllate.org/book/17822/1695703>